

О. Л. Карлова

АРЕАЛЬНАЯ ДИСТРИБУЦИЯ -L-ОВОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ

The analyzed in the research paper l-type model is the most informative among suffixal oikonymal models. The detection of areals, distribution and functioning features of the model serve as the source for Karelia colonization history study. The oikonymy analysis of anthroponymic origin against the general background of Karelian oikonymy convincingly testifies that l-type names are assigned to the oldest Karelian communities (settlements) with earlier origin. The maximum density areal of the l-type oikonyms coincides with the nest settlement areal which comes into being in agrarian land development and reaches the maximum concentration in regions with more favorable farming climatic conditions (Olonetzk Karelia). The full-fledged settlement nests are also discovered in Segoz'er'je (Middle Karelia) and in the northern Karelia (Kalevala and Kesten'ga) where the "bursting" nature of Karelian migration of the 17th century decisively influenced on the settlement net development level.

В предлагаемом исследовании на материале -l-овой топонимии Карелии мы попытались применить методику ареально-типологического анализа, основанного на учете специфики словообразовательных топонимических моделей и выводящего на решение ряда этноязыковых и этноисторических задач.

Как известно, во многих случаях топонимическая модель имеет четко очерченный ареал, изучение которого позволяет получить информацию о путях миграций определенных групп населения, формировании новых мест жительства и хронологии освоения ими новых земель. Эта возможность обусловлена тем, что именование географических объектов на вновь осваиваемых территориях происходит под непосредственным влиянием той традиционной системы, которая была известна

переселенцам на материнской территории. Иными словами, в процессе освоения новых земель люди, именуя географические объекты, пользуются теми же структурными и лексическими моделями, которые были известны им в местах прежнего проживания. В этом отношении особенно показательны и информативны суффиксальные топонимические модели. Выявление и изучение их ареалов на территории Карелии может способствовать решению вопросов, связанных с возможными путями и этапами расселения карел.

Среди суффиксальных топонимических моделей Карелии наибольшей информативностью, несомненно, обладает -l-овая модель. Функционирующая на довольно обширном географическом пространстве, -l-овая топонимическая модель имеет общее происхождение в финском, эстонском, вепском и карельском языках. По данным финских ономастов, она появилась на территории Западной Финляндии, где рост ее активности отмечается до XVI в., после чего происходит явный спад [см.: Kepsu, 1987, 61–72]. На территории Карелии, по всей видимости, ситуация была несколько иной. Исследование топонимии одного из приходов северо-западного Приладожья – в историческом карельском ареале – указывает на то, что названия на -la/-lä начинают появляться на этой территории после XV в. Наибольшей продуктивности модель достигает в конце XVIII – начале XIX в., после чего активность ее снижается. Что касается истоков модели в Приладожье, то не исключена вероятность распространения ее на восток с переселенцами из Западной Финляндии [см.: Lehtikoinen, 1988, 232–234].

Известно, что данный топонимический тип закреплялся первоначально за наименованиями домов: к имени первопоселенца присоединялся -l-овый суффикс. Позднее, по мере выделения новых хозяйств из родового дома, его название распространялось на все поселение, а на следующем этапе – при формировании гнезда поселений – могло получить статус названия сформировавшегося куста деревень [см.: Nissilä, 1962, 92]. В связи с этим обратим внимание на существенные особенности достаточно типичного для Карелии гнездового расселения.

Гнездом (кустом) поселений считается группа тяготеющих друг к другу деревень, имеющих самостоятельные названия, но объединенных общим наименованием и осознаваемых жителями как единое целое [см.: Тароева, 1965, 80]. Исследования гнездового расселения на территории Карелии показывают, что отдельные деревни, входящие в состав гнезда, могут иметь русские названия, однако общее название гнезда, как правило, имеет прибалтийско-финское происхождение. При этом названия гнезд часто имеют патронимические окончания – в русском варианте -ицы, в карельском – -la, ср.: *Нурмолицы* – карел. *Nurmoilu*, *Реболы* – карел. *Rebol'a*, *Эссойла* – карел. *D'essoilu* [см.: Витов, 1955, 32–33; Пименов, 1964, 7].

По подсчетам этносоциолога Е. И. Клементьева, в Карелии в 1926 г. насчитывалось около 190 гнезд, объединяющих 830 деревень. Это более трети поселений от их общего количества. Исследователь отмечает наибольшую плотность гнездовой поселенческой сети на юге Карелии (в Олонецком, Пудожском районах и в Заонежье). Для районов средней и северной Карелии гнездовой тип поселений нехарактерен, за исключением Сегозерья (район Падан), а также Калевальского

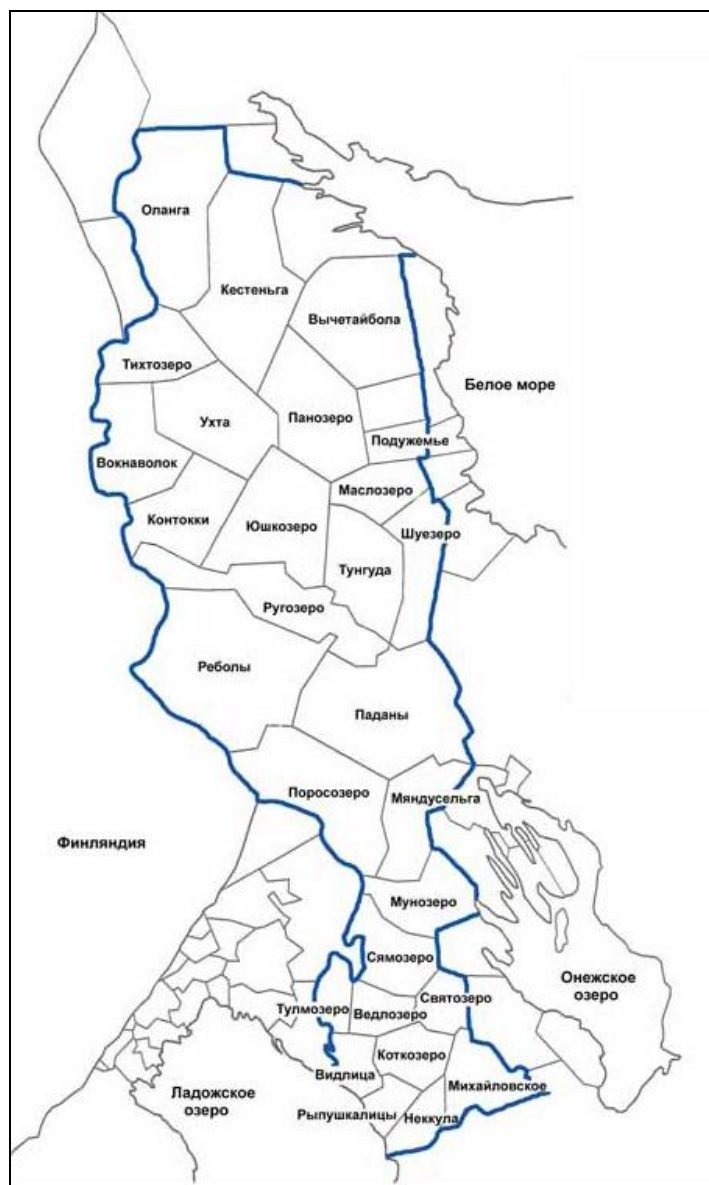
и Кестеньгского районов (последний входит в состав современного Лоухского района) [см.: Клементьев, 1992, 57].

На территории Карелии гнездовое расселение достигает максимальной концентрации в районах с наиболее благоприятными для земледелия климатическими условиями. Таким районом является прежде всего Олонецкая Карелия, особенно ее юго-западная часть – Олонецкая равнина. Кроме того, гнездовой тип широко распространен на территориях с достаточно ранним развитием земледелия. Районы же, где господствовала безгнездовая система расселения, напротив, отличаются относительно молодой аграрной культурой [см.: Орфинский, 1998, 14–18].

Вернемся к рассматриваемой нами *-l*-овой топонимической модели. Картографирование демонстрирует, что ареал данной модели на территории Карелии имеет достаточно четкие очертания (карта 1). Прежде всего необходимо отметить особенно высокую концентрацию топонимов на *-l* в восточном Приладожье (современные Олонецкий и Пряжинский районы), на территории проживания карел-ливвиков. В процентном соотношении *-l*-овые топонимы указанного ареала составляют 1/4 (свыше 250) часть всех карельских названий на *-l*. Отметим, что *-l*-овая топонимия в подавляющем большинстве случаев представлена здесь наименованиями поселений. Исключение составляют названия 17 домов в деревнях Сямозерского куста, зафиксированные в начале XX в. финским исследователем Ахтия (например, *Tavil*, *Sirgoilu*, *Zoral*, *Šuttil*, *Št'oppil*, *Tuhkal*) [Картотека KKS]. Следы *-l*-овой модели в названиях домов обнаруживаются в Сямозерье и сейчас: ср. *Sergoilankodi*, дом в д. Угмойла. Низкая активность *-l*-ового суффикса в названиях домов ливвиковского ареала может объясняться, с одной стороны, проблемами в сборе полевого материала, с другой стороны, *-l*-овая модель могла быть вытеснена моделью «антропоним + детерминант *talo (kodi)* ‘дом’», также известной в наименованиях домов (см., например, *Iivanantalo* или *Iivanankodi*).

Вторым по степени плотности ареалом топонимов *-l*-ового типа (около 200 названий) может считаться район Кестеньгской Карелии (бассейны озер Пяозеро и Топозеро). В этом регионе, напротив, топонимы на *-l* преобладают в наименованиях домов. К Кестеньгскому ареалу вплотную примыкает Ухтинский (бассейн озера Куйтто), где сосредоточено около 160 *-l*-овых топонимов. На этой территории названия домов и поселений представлены в равном соотношении (карта 2). Достаточно широкое распространение топонимов *-l*-овой модели отмечается также в бывших Контокской и Панозерской волостях (около 110 названий). В Сегозерье, в районе Падан, также фиксируется некоторое скопление *-l*-овых названий (25). Спорадически модель представлена в Ругозерском и Ребольском кустах поселений, а также в районе Тунгуды (около 20 названий). Все перечисленные ареалы являются территориями проживания собственно карел.

Очертив области распространения топонимов, оформленных *-l*-овым формантом, мы пришли к вполне закономерному выводу: ареал максимальной плотности названий *-l*-ового типа совпадает с вышеуказанным гнездовым. В долинах рек Олонки, Мегреги, Тулоксы и Туксы, где отмечается «чрезвычайная скученность» поселений [Пименов, 1964, 10], названия деревень на *-l* в сравнении с другими структурными типами имеют наибольшую продуктивность. Этот факт служит

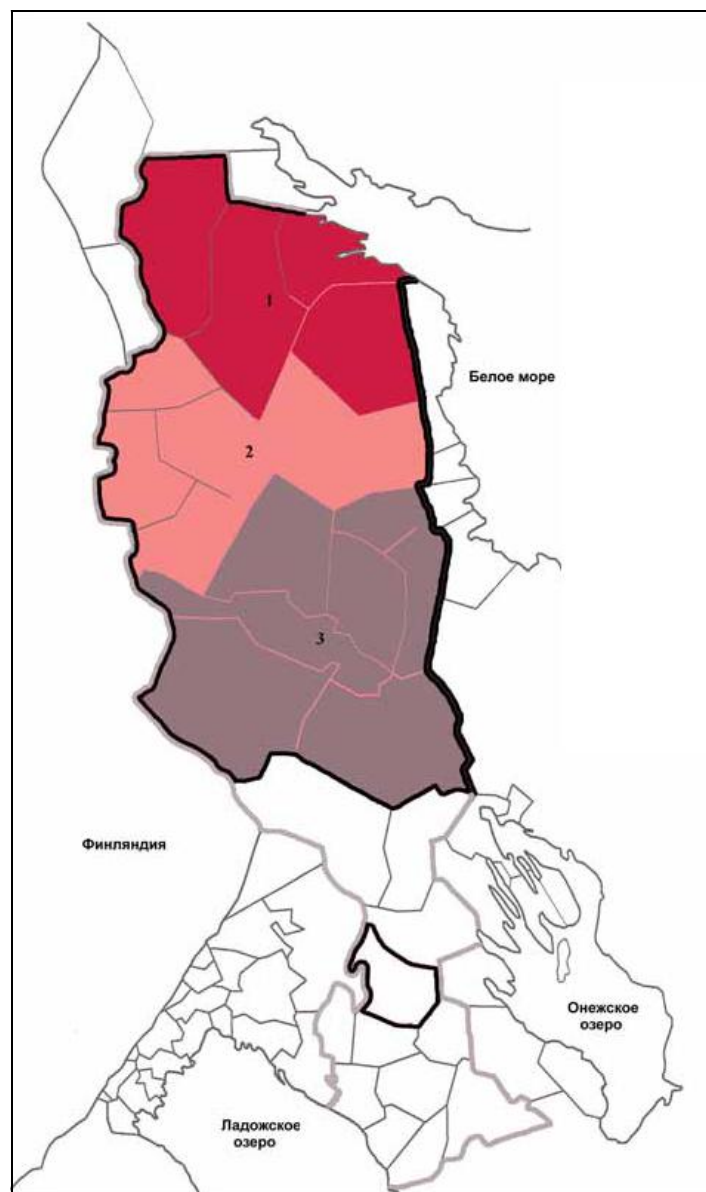

Карта 1. Арел исследования

ярким свидетельством того, что -л-овая топонимия действительно связана с ранним оседлым земледельческим населением и его развитой аграрной деятельностью.

Как же выглядит на фоне гнездовой поселенческой системы распространение ойконимов -л-ового типа в других районах Карелии?

Как отмечалось выше, кроме южных районов, развитые гнезда поселений зафиксированы также в средней (Сегозерье) и северной (Калевала, Кестеньга) Карелии. По мнению В. П. Орфинского, решающее влияние на уровень развития

Карта 2. Ареалы распространения *-l-*овой модели в названиях домов:
1 – зона наибольшей активности модели, 2 – зона средней активности модели,
3 – единичные фиксации

поселенческой сети в указанных районах оказал «залповый» характер карельской миграции XVII в. [см.: Орфинский, 1998, 19–20]. Согласно языковым данным, освоение карелами средней и северной Карелии проходило в несколько этапов. Первая волна переселенцев (XIV в.) колонизировала территорию от реки Суны до озера Сегозера. Вторая волна (XV в.) охватила территории, находящиеся севернее озера

Сегозеро, вплоть до озера Ондозеро и южной части бассейна реки Кемь [см.: Бубрих, 1947, 39–40]. Считается, что третья волна карельской миграции – из северо-западного Приладожья в Лопские погосты в XVII в. – была самой массовой [см.: Орфинский, 1998, 19].

Обратимся к Сегозерью. Учеными, начиная с Д. В. Бубриха, отмечаются некоторые особые черты этнонимии этого края [см.: ДК, 1980, 3]. Так, здешние карелы называют себя, с одной стороны, традиционным для собственно карел этнонимом *karjalazed* ‘карелы’, с другой – *lappalazed* ‘лопары’. Эта особенность, по мнению исследователей, является следствием поэтапного освоения края: этноним *karjalazed* закреплялся в местах массового карельского заселения, на окраинах же, где шло постепенное внедрение карельских поселенцев на занятую лопью территорию, смены этнонимов не происходило. О правомерности последнего утверждения свидетельствует тот факт, что ареал этнонима *karjalazed* и территория гнездового типа поселений совпадают [см.: Орфинский, 1998, 19].

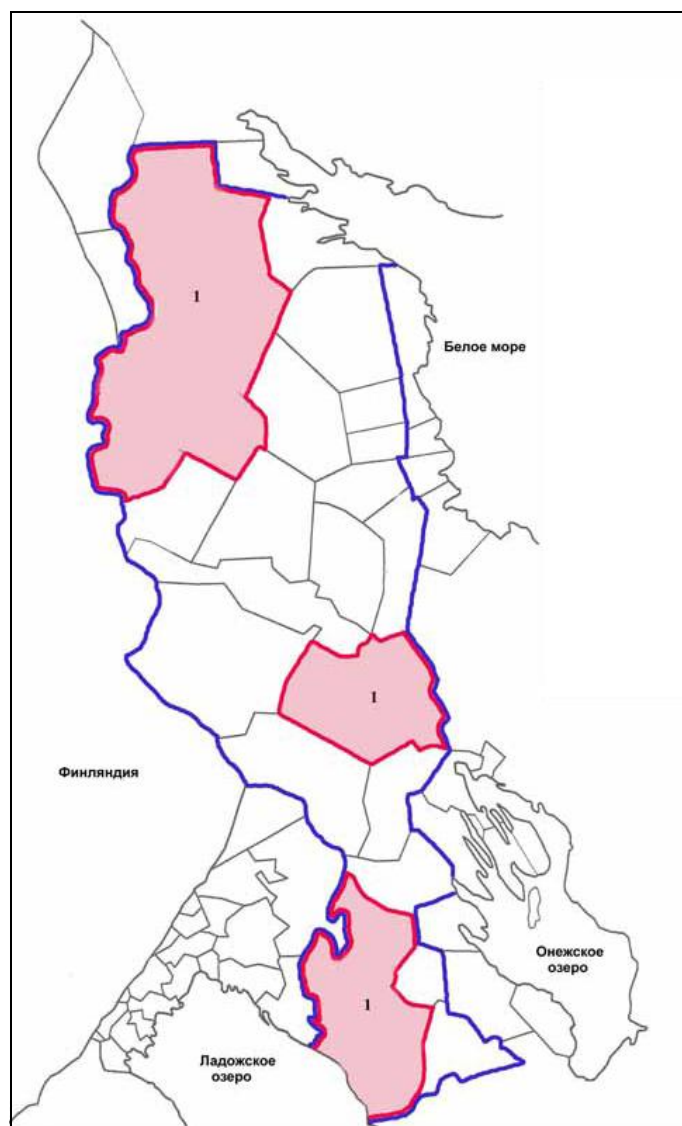
По мнению И. И. Муллонен, распространение -l-овой ойконимической модели в Сегозерье можно достаточно уверенно связывать с последней – самой массовой – волной карельских переселенцев, относящейся к XVII в. Что касается области распространения данной модели, то она совпадает с ареалом самоназвания *karjalazed* и с территорией, на которой отмечен гнездовой тип поселений. Этноним *lappalazed* в ареале сегозерских -l-овых ойконимов не засвидетельствован [см.: Муллонен, 2001, 26–29]. Таким образом, одновременное переселение большими группами способствовало образованию кустов поселений и сопровождалось формированием ойконимов -l-ового типа.

Обратимся к следующей территории, на которой отмечена развитая система гнездового расселения. В. П. Орфинский эта система обозначена как ухтинско-кестеньгская «гнездовая аномалия». Каковы ее особенности? Во-первых, данный регион отличается неблагоприятными агроклиматическими условиями. Во-вторых, как полагают исследователи, он был достаточно поздно заселен карелами, пришедшими из Приботнии: известно, в частности, что последние группы приботнийских карел появились здесь в начале XVIII в. [см.: Бубрих, 1947, 43; Pöllä, 1995]. Таким образом, аграрный потенциал региона (неблагоприятные климатические условия и относительно молодое аграрное освоение) не мог способствовать гнездообразованию.

На гнездообразование в данном регионе решающее влияние оказал характер миграции карельского населения – расселение компактными группами. Дополнительным импульсом образования гнезд, по мнению исследователей, могла стать также активность национального самосознания пришлого населения, направленная на сохранение традиционной культуры. Считается, что гнездовое расселение в XVII–XVIII вв. являлось традиционным для мест прежнего проживания карел-переселенцев и проникло на северо-запад Карелии вместе с ними. Сохранение в условиях массовой миграции общинных связей обеспечивало преемственность этнокультурных традиций, в том числе и традиций расселения: сельская община являлась «гарантом сохранения и воспроизведения традиции селиться гнездами...» [Орфинский, 1998, 20–21]. Показательно в связи с этим, что наибольшая концен-

трация *-l*-овых названий поселений на территории Беломорской Карелии обнаруживается именно в Ухтинском и Кестеньгском краях. Таким образом, зона ухтинско-кестеньгской «гнездовой аномалии» также отличается сосредоточением ойконимов *-l*-овой модели.

Итак, все три ареала, в которых отмечена наибольшая плотность поселений гнездового типа, совпадают с областями распространения и функционирования *-l*-ового ойконимического форманта (карта 3).

Карта 3. Ареалы наибольшей концентрации топонимов *-l*-овой модели:

1 – ареалы гнездового расселения

Учитывая то, что возникновение гнезд связано с архаичной формой родовой организации – патронимией, нельзя не обратить внимания на интересные наблюдения, сделанные учеными-этнографами при изучении карельской семьи.

До середины XIX в. в Карелии преобладали большие семьи. К концу XIX – началу XX в. начался процесс вытеснения больших семей малыми. Важно подчеркнуть, что наибольшей интенсивностью этот процесс отличался у финно-карельского населения северного и западного Приладожья, а также у карел-ливвиков. В то же время среди населения Беломорской Карелии традиция большой семьи долго сохраняла свою устойчивость и жизнеспособность. В самых северных районах Кестеньги и Ухты большие семьи существовали даже в 1920-е гг. [см.: Сурхаско, 1977, 38]. Именно в этих районах обнаруживается особая популярность -l-ового суффикса в наименованиях домов, причем в основе этих названий, как правило, восстанавливается православное личное имя. Если двигаться с севера на юг Карелии, то количество -l-овых названий домов будет уменьшаться, а количество ойконимов на -l, напротив, расти. Отметим, что на северо-западе Беломорской Карелии -l-овая модель «работала» еще в начале XX в. (см. ниже). Достаточно долгая «жизнь» -l-овой модели в указанном ареале объясняет сохранившиеся до наших дней названия домов на -la.

Наряду с патронимическими -l-овыми названиями в Карелии бытуют и наименования гнезд, отражающие характер местной географической среды. Ниже приведены примеры как патронимических, так и «физико-географических» названий гнезд. В состав села *Rebol'a* (рус. *Реболы*) входят *Tuntula*, *Duaniezenniemi*, *Riigozenniemi*. С другой стороны, под общим названием села *Вудлица* объединяются деревни *Tykkyl*, *Triššul*, *Hoškil*, *Pirdoilu*, *Pikkoilu*. В состав села Тулокса входят *Rabal*, *Marttoilu*, *Teppoilu*, *Čomal*, *Pemmul*. Общим названием для деревень *Kaskol'a*, *Remšula*, *Kuyrölä*, *Lippol'a* служит *Вокнаволох* (карел. *Vuokkiniemi*). Надо сказать, что гнездо поселений, обозначаемое не патронимически, обычно носит название природного объекта. Вероятно, в этом типе именования находит отражение относительно молодой возраст соответствующих гнездовых объединений.

Подводя итог вышесказанному, попытаемся сформулировать некоторые общие положения, касающиеся происхождения, хронологии и зон распространения карельских названий поселений, оформленных -l-овым формантом.

По всей видимости, проникновение -l-овой модели в рассмотренные выше области связано с миграциями карельского земледельческого населения с территорий племенной родины корелы – Приладожья, где данная модель была достаточно продуктивна. При этом считается, что в Приладожье модель начинает проникать уже с XIII в. вместе с вероятным оттоком населения с запада Финляндии [см.: Kepsu, 1981, 72; Lehtikoinen, 1988, 232].

Надо полагать, что проникновение -l-овой модели на территорию проживания карел-ливвиков (Олонецкий и Пряжинский районы) произошло раньше, чем на северные территории. На это косвенным образом указывает характер основ, к которым присоединяется -l-овый формант. Ливвиковская -l-овая ойконимия отличается затемненными, не поддающимися этимологизации отантропонимическими осно-

вами. В собственно карельском ареале основы названий на *-la* более прозрачны. Другими словами, представленный в ливвиковских названиях нехристианский именослов является настолько древним, что апеллятивы, к которым он восходит, уже утрачены. Не исключено, что ливвиковская *-l*-овая ойконимия в низовьях рек Олонки, Тулоксы, Видлицы может иметь общие истоки с южно-свирской вепсской ойконимией на *-l*. Дело в том, что на этих территориях фиксируется приладожская курганная культура X–XIII вв., с которой ойконимы на *-l* могут быть связаны не только ареально, но и хронологически. Благодаря мощной поддержке со стороны карельских переселенцев, в ливвиковском ареале *-l*-овая модель сохраняла свою продуктивность значительно дольше, чем в южном вепсском Присвирье [см.: Муллонен, 2002, 168–169].

Вероятно, в среднюю и северную Карелию *-l*-овая модель проникает после XVI в.: ее распространение здесь, как уже отмечалось, связано с «залповыми» карельскими миграциями начала XVII в.

В Тверской Карелии, которая была заселена приладожским населением в XVII в., ойконимов на *-la* практически нет [см.: Virtaranta, 1992], что, по-видимому, объясняется особенностями ее заселения. Оказавшись на полуопустевших русских территориях, карельское население усвоило уже имеющиеся здесь русские топонимы: практически все поселения тверских карел имеют адаптированные карельским языком русские наименования (ср. *Vasiliskoi* – рус. *Васильевская*; *Voroniha* – рус. *Ворониха*; *Nazarova* – рус. *Назарово*). Очевидно, аналогичная ситуация сложилась в Тихвинской Карелии, где зафиксировано всего одно название на *-la*: *Terpol' anpeldo*, поле в д. Карельская Горка, которая считалась ранее центром всех карельских деревень этого региона.

В западной Беломорской Карелии, по нашим материалам, пик активности *-l*-овой модели приходится на XVIII в., причем модель продолжает функционировать вплоть до начала XX в. Возможно, в данном топонимическом факте также отражены особенности заселения территории: исходным районом карельских переселенцев в эти края была Приботния, а время переселения (XVIII в.) относится к последнему этапу карельской миграции.

Отметим один интересный момент, касающийся истоков и функционирования *-l*-овой модели в Беломорской Карелии. Последняя волна миграции карел на северо-восточное побережье Белого моря была связана с оттоком населения из Кестеньгской Карелии в начале XX в. в связи со строительством рудников и появлением вследствие этого новых рабочих мест (так, к примеру, образовался современный поселок Чупа). В ходе последней экспедиции в восточную Беломорскую Карелию (2004 г.) выяснилось, что первоначальные названия домов на рассматриваемой территории образовывались исключительно с помощью *-l*-ового суффикса. Например, в основанной в 1911 г. деревне Соностров (карел. *Suurisuari*) все названия домов были на *-la*: *San'kala*, *Ondreil'a*¹, *Taraškol'a*, *Jekkilä*, *Offol'a*, *Jyrkilä* и т. д.

¹ По рассказам бывших жителей Сонострова, первопоселенцем указанного дома был некий Кемов, родом из Кестеньги (ср. *Kömölä*, первоначальное название Кестеньги).

Выше упоминалось, что в районе Кестеньги -l-овая модель имела высокую продуктивность. Таким образом, карельские переселенцы из кестеньгских деревень принесли модель с собой в восточное Беломорье, где она продолжала активно участвовать в образовании новых топонимов.

В заключение укажем на следующую существенную особенность распространения топонимии -l-ового типа на карельской территории. В ареале проживания карел-людигов зафиксировано лишь несколько ойконимов, оформленных -l-овым формантом. Как же объяснить практически полное отсутствие -l-овой топонимии в зоне проживания карел-людигов, принимая во внимание особую популярность данной модели на смежной ливвиковской территории?

В людиковском Присвирье рассматриваемая модель обнаруживается в низовьях рек Усланки и Важинки: ср. *Tuošla* ~ *Tuoškal*, *Pirkl'a*, *Kinul*, *Sagil*. В свое время финский исследователь В. Ниссиля выдвинул предположение о вепсских истоках -l-овых названий в северно-свирском ареале расселения людигов [см.: Nissilä, 1947, 13], которое находит подтверждение в современных исследованиях [см., например: Муллонен, 2002, 168–170]. Во-первых, зафиксированные на людиковской территории северного Присвирья названия на -l образуют ареальное единство с подобными названиями южного Присвирья – территории расселения вепсов. Во-вторых, в пользу вепсских истоков модели в северно-свирском ареале свидетельствует тот факт, что для передачи прибалтийско-финских -l-овых ойконимов в северном Присвирье используется типичная для соответствующих южно-свирских топонимов русская модель на -ицы: *Kinul* – *Кинницы*, *Tuoškal* – *Ташкиницы*, *Pirkl'a* – *Пиркиницы*, *Sagil* – *Согиницы*.

Итак, вышеизложенные соображения связывают проникновение -l-овой модели в людиковское Присвирье с вепским, причем относительно ранним освоением указанных территорий. Практически полное отсутствие ойконимов с -l-овым суффиксом в остальном людиковском ареале связано, по-видимому, с тем, что сформировавшаяся в результате вепско-карельского контактирования людиковская территория, с одной стороны, не входила в ареал раннего вепского освоения, который маркируется именно -l-овой ойконимией, с другой стороны, людиковская территория, в отличие от ливвиковского ареала, осталась и вне пределов массового карельского освоения. Таким образом, ни вепсы, ни более поздние карелы не заложили здесь традиции употребления ойконимов с суффиксом -la.

Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа: Повесть о союзнике и друге русского народа на севере. Петрозаводск, 1947.

Витов М. В. Гнездовой тип расселения на русском Севере и его происхождение // Сов. этнография. 1955. № 2. С. 27–40.

ДК 1980 – Духовная культура сегозерских карел конца XIX – начала XX в. / Изд. подгот. У. С. Конкка, А. П. Конкка. Л., 1980.

- Картотека KKS – картотека сектора Словаря карельского языка (Karjalan kielen sanakirja), хранится в Исследовательском институте по изучению родных языков (Kotimaisten kielten tutkimuskeskus), Хельсинки.
- Клементьев Е. И.* Этносоциальные аспекты переписи населения 1926 г. // Карелы, финны. Проблемы этнической истории. М., 1992. С. 43–66.
- Муллонен И. И.* История Сегозерья в географических названиях // Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск, 2001.
- Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.
- Орфинский В. Г.* Некоторые закономерности формирования традиционных систем сельского расселения на территории Карелии // Орфинский В. Г., Гришина И. Е. Народное зодчество: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1998. С. 13–31.
- Пименов В. В.* К истории сложения типов поселений в Карелии // Сов. этнография. 1964. № 2. С. 3–18.
- Сурхаско Ю. Ю.* Карельская свадебная обрядность. Л., 1977.
- Тароева Р. Ф.* Материальная культура карел (Карельская АССР). Этнографический очерк. М., 1965.
- Kepsu S.* Pohjois-Kymenlaakson kylännimet. SKST 367. Hämeenlinna, 1981.
- Lehikoinen L.* Kirvun talonnimet. Karjalaisen talonnimisysteemin kuvaus. SKST 493. Hämeenlinna, 1988.
- Nissilä V.* Kuujärven paikannimistöä // Virittäjä. 1947. № 1. S. 13–19.
- Nissilä V.* Suomalaista nimistötutkimusta. SKST 272. Helsinki, 1962.
- Pöllä M.* Vienan Karjalan etnisen koostumuksen muutokset 1600–1800-luvulla. SKST 635. Tampere, 1995.
- Virtaranta P.* Tverinkarjalaisista nimistä. SUST 209. Helsinki, 1992.

* * *

Ольга Леонидовна Карлова – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры карельского и вепсского языков Петрозаводского государственного университета.